

ВЛАДИМІРСКАЯ БУРСА

(по воспоминаніямъ бывшаго бурсака съ 1849 г. по 1855 г.) *).

Смѣна одного человѣческаго поколѣнія другимъ, по выводу статистовъ, опредѣляется въ 40 лѣтъ. Значить, мои воспоминанія относятся къ отжившему уже поколѣнію въ нашей епархіи, хотя въ нѣкоторомъ числѣ еще остаются представители того поколѣнія. Для представителей отжившаго поколѣнія мои воспоминанія могутъ послужить указаніемъ на нѣкоторые недостатки и лишенія въ прежнемъ положеніи семинаристовъ, и этимъ побудятъ тѣхъ представителей, насколько отъ нихъ зависитъ, содѣйствовать улучшенію быта и воспитанія теперешнихъ питомцевъ семинаріи. А новое учащееся поколѣніе изъ сравненія своего, достаточно обезпеченнаго и прилично обставленнаго, положенія съ прежнею обстановкой семинарскаго воспитанія пусть научится цѣнить заботы начальства и жертвы родителей и выяснитъ для себя обязательное побужденіе оправдывать тѣ и другія добрымъ поведеніемъ и успѣхами.

Слово бурса не есть общее названіе семинаріи, какое даютъ ей нѣкоторые писатели, наприм. Помяловскій; это не что иное, какъ помѣщеніе, или корпусъ, для казенно-коштныхъ учениковъ семинаріи — сиротъ духовенства.

Въ опроверженіе ложно-юмористическаго взгляда упомянутаго писателя на семинарію (по его названію—бурсу) я попытаюсь представить дѣйствительное положеніе семи-

*) Воспоминанія автора не представляютъ вполнѣ законченнаго очерка; но они имѣютъ значеніе какъ цѣнный матеріалъ для исторіи Владимірской семинаріи. Въ 1875 году были помѣщены въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ (№№ 12 и 31) воспоминанія о семинаріи протоіерея С. Архангельскаго, относящіеся къ 1826—32 годамъ. Настоящіе воспоминанія, по времени событій, слѣдуютъ за тѣми чрезъ нѣкоторый промежутокъ и составляютъ какъ бы продолженіе и дополненіе ихъ. Тѣ касаются главнымъ образомъ учебной стороны семинаріи; эти обрисовываютъ бытовую сторону семинарскаго общежитія.

нарской бурсы въ близкое къ описываемому Помяловскимъ время, не скрывая того, что по справедливости можно отнести къ недостаткамъ ея. Этотъ писатель, получившій образованіе въ семинаріи, увлекшись обрисовкой частныхъ фактовъ, можетъ быть, имъ выдуманыхъ для того, чтобы потѣшной стороною писательства завлечь читателей, въ общемъ—неблагодарно отнесся къ своей воспитательницѣ, выставивъ ее на позорище для смѣха. За это посмѣяніе надъ тѣмъ, что не всегда и во всемъ смѣшно, онъ наказанъ былъ въ своей жизни положеніемъ болѣе достойнымъ сожалѣнія, чѣмъ описываемые имъ бурсаки.

Владимірская бурса въ упоминаемое мною время находилась за рѣкой Лыбедью, на разстояніи около одной версты отъ класснаго семинарскаго корпуса. Теперь на этомъ мѣстѣ выстроено новое зданіе духовнаго училища. Большой корпусъ бурсы былъ деревянный, двухэтажный на высокомъ каменномъ фундаментѣ, купленный у какого-то помѣщика. Внизу—въ фундаментѣ помѣщалась кладовая для капусты, картофеля, огурцовъ и свеклы, откуда въ первый этажъ дома, особенно въ осенніе мѣсяцы, проникалъ непріятный запахъ отъ закисающихъ овощей. Въ первомъ этажѣ помѣщалось пять номеровъ, или жилыхъ комнатъ для учениковъ, и каюта для комиссара; во второмъ (верхнемъ) этажѣ—два номера. Смотри по размѣру комнаты, въ каждомъ номерѣ помѣщалось воспитанниковъ отъ 8 до 12. Жилыцы каждаго номера составляли какъ бы отдѣльную пріятельскую семью; но начальство не давало надолго сживаться этимъ семьямъ, и чрезъ каждый годъ производилась перетасовка семей въ новомъ составѣ. Принадлежностями номеровъ были слѣдующіе предметы: гардеробъ для одежды учениковъ, шкафъ для книгъ и другихъ принадлежностей ученическаго хозяйства съ отдѣльнымъ ящикомъ для каждаго, среди комнаты длинный столъ со скамьями для занятія учениковъ, а по стѣнамъ въ рядъ

разставленные желѣзные и деревянные койки,—деревянные преимуществовали. Во имя правды, не скрою отъ читателя, что эти койки вообще, а въ особенности деревянные, изобиловали извѣстными наѣжками съ отдающимъ запахомъ; но мы, съ-измала не изнѣженные, не чувствовали большаго безпокойства отъ этихъ наѣжконыхъ.

Большой домъ, вѣроятно, переживалъ уже другое столѣтіе. Хотя онъ снаружи обшитъ былъ тесомъ, а изнутри оштукатуренъ, но при сильномъ вѣтрѣ трещалъ и качался; къ счастью, это не пугало насъ. Въ зимніе холода вода мерзла въ умывальникахъ; а нашъ-братъ, сверхъ одѣяла, накроется овчиннымъ тулупомъ и спитъ преспокойно. Лицевая сторона дома, обращенная на югъ, выходила на широкую, частію мощеную, улицу. По линіи къ западу, чрезъ небольшой промежутокъ, былъ другой домъ меньшихъ размѣровъ, въ которомъ помѣщался нашъ экономъ,—онъ же преподаватель семинаріи и субъ-инспекторъ бурсы. По восточную сторону отъ большаго дома было низкое деревянное зданіе, въ которомъ помѣщались кухня и столовая, раздѣленные корридормъ. Въ кухнѣ имѣли помѣщеніе и всѣ служители. О прочихъ постройкахъ, необходимыхъ при большомъ хозяйствѣ, не стоитъ упоминать.

Но садъ, находившійся при бурсѣ, мало сказать—стоитъ упоминанія: онъ составляетъ предметъ самаго пріятнаго, благодарнаго и незабвеннаго воспоминанія для питомцевъ бурсы. Въ лѣтнее время такую привлекательность составлялъ онъ для насъ, что послѣ класснаго времени мы оставляли почти пустыми номера и переселялись поголовно въ садъ. Садъ эготъ занималъ довольно обширную площадь, распланированъ былъ симметрично, съ вѣковыми аллеями по дорожкамъ, съ фруктовыми деревьями и кустовыми растеніями. Яблони, вишни, малина, смородина, крыжовникъ, все здѣсь было и все содержалось въ приличномъ порядкѣ; дорожки каждую весну утрамбовывались и по-

сыпались пескомъ, соръ листьевъ выметался, ненужная трава скашивалась; въ охоращиваніи сада принимали участіе, кромѣ служителей, и сами воспитанники. По всѣмъ аллеямъ и дорожкамъ расхаживали они съ книжками въ рукахъ, приготовляя уроки; иные сидя на скамейкахъ занимались чтеніемъ, писаніемъ сочиненій, а нѣкоторые, чтобъ не развлекаться сообществомъ, укрывались въ чащу вишенника, называвшуюся почему-то *термопилами* и тамъ въ уединеніи или готовили уроки, или обдумывали свои письменныя задачи. Вечеромъ, послѣ ужина собиралась большая партія воспитанниковъ въ большую бесѣдку, находившуюся среди сада, и тутъ начиналось пѣніе, духовное или свѣтское, во всеуслышаніе всей залыбедской страны. Была еще въ саду другая небольшая бесѣдка, — въ нее удалялись по большей части немногіе для дружественныхъ и серьезныхъ бесѣдъ. Во время экзаменовъ въ 3 и 4 часа утра можно было встрѣтить въ саду тружениковъ, готовящихся къ отвѣту. Да, въ былое время этотъ садъ былъ любимымъ пріютомъ питомцевъ бursы и доставлялъ имъ величайшее наслажденіе. Наслажденіе это не было только эстетическимъ, но и матеріальнымъ, такъ какъ до 15-го іюля (времени отпуска на вакацію) поспѣвали уже вишни, малина, крыжовникъ и смородина. Всѣ ягоды поступали въ наше пользованіе; только яблоки, и то въ неполномъ количествѣ, доставались эконому. Слѣдуетъ упомянуть и о томъ, что въ числѣ бурсаковъ находились нѣкоторые любители садоводства, которое между прочимъ преподавалось въ семинаріи; они дѣлали отсадку яблонь, прививку дичковъ, подрѣзали вишни и оправляли кусты крыжовника и смородины.

На содержаніе каждаго питомца въ бурсѣ ассигновалось въ годъ 30 р. сер. Судя по этой цифрѣ, легко опредѣлить, каково было содержаніе ихъ. Въ настоящее время эту сумму воспитанники семинаріи уплачиваютъ за одинъ

постой въ квартирахъ. На 30 р. нужно было одѣть, обути и прокормить воспитанника; изъ нихъ же надо вычестъ на содержаніе дома, освѣщеніе, отопленіе и прислугу. Эконому бурсы предстояла трудная задача, съ которою однако-же онъ умѣлъ справляться, не возбуждая ни малѣйшаго ропота со стороны питомцевъ. Впрочемъ тогда было иное время, чѣмъ теперь. Бѣдность у духовенства, зависѣвшая отъ численности причтовъ, когда на 300 душъ въ приходѣ сплошь и рядомъ имѣлось по 4 члена,—въ особенности безпомощность сиротъ, заставляли питомцевъ семинаріи довольствоваться очень малымъ. Сколько ни было скудно ихъ содержаніе; но оно все-же было лучше того, какимъ они могли бы пользоваться въ своихъ семьяхъ. А потому каждый изъ бурсаковъ по окончаніи воспитанія всегда съ благодарностію воспоминалъ свою кормилицу-бурсу и никогда не могъ дойти до упрековъ ей. При этомъ одинаковость положенія между питомцами развивала взаимопомощь, товарищество и дружество, которыя оставались неизгладимыми навсегда, не смотря на разность послѣдующихъ положеній въ жизни. Я знаю двоихъ бурсаковъ, которые 35 лѣтъ не видѣли другъ друга,—одинъ сталъ докторомъ богословія и ординарнымъ профессоромъ академіи, а другой остается простымъ сельскимъ священникомъ; но доселѣ юношеское дружество не потеряло между ними цѣны, хотя ограничивается теперь только письменнымъ общеніемъ.

Благодаренъ я тебѣ, пріютившая меня во время оно, бурса! Но прости, если я буду рассказывать о твоихъ прежнихъ порядкахъ, которые, пожалуй, покажутся не соответствующими требованіямъ настоящаго времени. Не въ ущербъ это будетъ твоему благодѣянію, но въ похвалу тебѣ за то, что при малыхъ средствахъ ты могла поставить на ноги многихъ хорошихъ дѣятелей на службу общественную. Впрочемъ вся эта похвала бурсѣ должна

раздѣлиться въ большей долѣ съ бывшимъ ректоромъ семинаріи архимандритомъ Евѡиміемъ*). Дай Богъ, чтобъ духовныя семинаріи могли имѣть такихъ ректоровъ, какъ нашъ приснопамятный Евѡимій! Дѣятельность его, какъ начальника заведенія, неутомимая, разумно-строгая, во все вникавшая, обо всемъ попечительная, достойна благодарнаго воспоминанія всѣхъ питомцевъ семинаріи, пользовавшихся его руководствомъ.

До 1849 года въ бурсѣ было 100 питомцевъ; съ этого года штатъ былъ сокращенъ на 80, съ послѣдующаго года — на 70 человѣкъ, а средства, отпускавшіяся на бурсу, оставались тѣже, что были при бывшемъ составѣ питомцевъ. Вслѣдствіе сего, положеніе бурсаковъ сдѣлалось болѣе удовлетворительнымъ—прежде относительно пищи, а потомъ и одежды. 1 пудъ говядины, отпускавшійся на суточное продовольствіе питомцевъ, причисляя къ нимъ и служителей съ комиссаромъ, со 100 человѣкъ переходилъ на 80 и 70. Хотя и при сокращеніи штата въ бурсѣ полагались на обѣдъ и ужинъ тѣ же щи съ говядиной и каша, а въ постныя дни картофельная похлебка съ той же кашей; но порціи выходили уже болѣе объемистыми. Въ высокаторжественныя дни и великіе праздники къ 1 пуду мяса прибавлялось еще $\frac{1}{2}$ пуда и приготавлилось (только на обѣдъ) третье холодное кушанье изъ говяжьей окрошки, а въ постныя дни изъ рыбы. Въ эти исключительныя дни выдавалась еще каждому питомцу двухкопѣчная булка, которая составляла уже роскошь, сравнительно съ обыденнымъ довольствіемъ. Пусть считаютъ непыратымъ (не роскошнымъ) это довольствіе; но оно удовлетворяло насъ. Если кто чувствовалъ себя голоднымъ, тому давалось утромъ и послѣ вечерняго класса чернаго хлѣба столько, сколько ему требовалось, даже и больше потребности. Этотъ излишекъ хлѣба бурсаки нерѣдко передавали узел-

*) Въ послѣдствіи Епископъ Саратовскій †.

ками квартирнымъ ученикамъ, особенно нуждавшимся въ концѣ учебныхъ третей года. Но какъ черный хлѣбъ съ приправой соли и кваса составлялъ нелакомую пищу; то иные изъ насъ прибѣгали къ нѣкотораго рода дополненіямъ, соотвѣтственно своимъ средствамъ. Утромъ въ бурсу являлись сбитенщики съ калачами и молочницы, предлагая за 3 коп. два стакана сбитня и калачъ, а молоко за 1½ к. полуштовъ. Многіе изъ насъ довольствовались болѣе дешевымъ способомъ въ разнообразіи пропитанія, именно: одни варили въ собственныхъ чугуникахъ картофель, другіе — цикорный кофей, который пили съ молокомъ. Чай употреблялся въ рѣдкихъ случаяхъ; для приготовленія его имѣлся единственный самоварчикъ у одного бурсака.

Одежда намъ давалась такая: на лѣто—сѣрый нанковый сюртучекъ съ трековыми брюками и жилетомъ, на зиму—овчинный тулупъ, крытый той же сѣрой нанкой. Одежда эта возобновлялась по истеченіи каждаго года,—зимняя шла въ передѣлку, а лѣтняя оставалась собственностію владѣльца. Окончившимъ курсъ годичная одежда отдавалась въ ихъ собственность. Овчины для тулуповъ ставились какія-то ордынскія, съ грубой и жесткой шерстью, чрезъ мѣру пропитанныя дубильной кислотой. Появленіе бурсаковъ въ новыхъ тулупахъ въ классахъ, или въ церкви, наполняло воздухъ непріятнымъ запахомъ. По этому поводу бурсаки отъ своихъ даже сотоварищей (квартирныхъ) получили нелестное прозвище—«кислая шерсть». Впрочемъ у нѣкоторыхъ, болѣе состоятельныхъ, питомцевъ, имѣлась своя дополнительная одежда лучшаго достоинства, которою при случаѣ пользовались и товарищи ихъ, не обращая особеннаго вниманія на различіе роста и дородства. Съ 1853 г., при ректорѣ семинаріи архимандритѣ Платонѣ*), введена была для питомцевъ бursы суконная лѣтняя пара на капиталъ изъ сбереженій, которыя какими-то судьбами

*) Въ послѣдствіи Архіепископъ Костромской †.

ухитрялся дѣлать предмѣстникъ сего ректора, арх. Евѳимій. При нарядѣ въ сукно мы будто преобразились, если не внутренне, то внѣшне, и какъ бы выросли, потому что стали держать выше свои головы и сознавать себя болѣе равноправными съ товарищами, жившими на частныхъ квартирахъ. Этотъ подъемъ въ сознаніи равноправности еще болѣе усилился у питомцевъ бursы въ ректорство архимандрита Леонтія *), когда имъ пошили суконныя шинели.

Относительно обуви нужно замѣтить то, что ею снабжались мы болѣе, чѣмъ въ достаточной мѣрѣ. Хотя намъ и приходилось совершать каждодневно два путешествія въ семинарію на утренніе и вечерніе уроки при всякой погодѣ чрезъ овраги, р. Лыбедь и гору; но двѣ пары сапоговъ и третьи головки не могли изнашиваться въ теченіе года. Изъ двухъ паръ цѣльныхъ сапоговъ дозволялось избирать по желанію каждаго или простые (дехтярные), или выростковые, а вмѣсто головокъ заказывать калоши. Кто для зимы имѣлъ свои валенки, у того естественно оставались излишніе казенные сапоги. Купля, продажа и промѣнъ сапогами производились невозбранно.

Носильнаго бѣлья намъ не выдавалось,—каждый долженъ былъ запасаться и пользоваться домашнимъ,—а вмѣсто того выдавалось предъ отпусками на Рождество, Пасху и вакацію съ чѣмъ-то по 1 рублю на человѣка. Деньги тѣ служили необходимымъ пособіемъ на отправку по домамъ. Постельныя принадлежности состояли изъ тюфяка, простыни, двухъ перяныхъ подушекъ и зеленого суконнаго одѣяла, подбитаго холстомъ. Простыни и наволоки на подушкахъ мѣнялись чрезъ каждый мѣсяць. Баня топилась въ зимнее и осеннее время чрезъ двѣ недѣли по субботамъ, въ которыя не полагалось вечерняго урока,—а лѣтомъ очень рѣдко, потому что питомцы болѣе любили купанье

*) Нынѣ Архіепископъ Варшавскій.

на рѣкахъ Клязьмѣ и Рпѣни. Нѣкоторые имѣли еще привычку окачиваться холодной водой прямо изъ колодезя; отъ этой операціи никому не приходилось страдать, а потому она и не воспрещалась.

Что касается порядковъ воспитанія въ бурсѣ,—то они заключались въ слѣдующемъ:

а) Около 7 часовъ утра всѣ питомцы сходились въ 1-й номеръ бурсы, болѣе другихъ обширный, на молитву. Молитва начиналась общимъ пѣніемъ «Царю небесный» и оканчивалась «Достойно есть»; въ царскіе дни присоединялась молитва за Царя. Въ праздники, когда должно было отправляться къ ранней литургіи, утренняя молитва не совершалась, а вечерняя не опускалась во всѣ дни,—даже послѣ всенощной службы.—Послѣ скуднаго завтрака слѣдовала въ разсыпную переправа въ классный корпусъ съ узелками книжекъ и тетрадокъ.

б) Для ближайшаго надзора за поведеніемъ питомцевъ въ каждомъ номерѣ общежитія опредѣлялся начальствомъ *старшій* изъ лучшихъ и благонадежныхъ учениковъ богословскаго класса. Эти старшіе несли очень разнообразную и плодотворную службу по отношенію къ подчиненнымъ. Кромѣ оффиціальной ихъ отвѣтственности за благоповеденіе подчиненныхъ имъ членовъ, они по чувству братства входили участливо во всѣ нужды и требованія своихъ поднадзорныхъ. Къ нимъ обращались за разъясненіемъ уроковъ, спрашивали мнѣнія, какъ писать сочиненіе на заданную тему, представляли имъ черновыя сочиненія для провѣрки и поправки и т. п., словомъ,—они были не только блюстителями инструкціоннаго порядка, но первыми и дружески внимательными руководителями новичковъ бурсы.

Къ обязанностямъ старшихъ присоединялось очередное дежурство по бурсѣ въ теченіе недѣли. Дежурный велъ журналъ о всѣхъ событіяхъ въ общежитіи въ теченіе сутокъ, и утромъ cadaго дня являлся съ записью въ журналъ

сперва къ эконому, потомъ къ инспектору семинаріи, въ нужныхъ случаяхъ—къ ректору; отъ нихъ къ исполненію получалъ разнаго рода распоряженія и указанія. Во время классныхъ уроковъ онъ, въ теченіе недѣли своего дежурства, обязывался стоять на заднемъ крыльцѣ семинарскаго корпуса (на переднемъ дежурили старшіе квартирные)*) и наблюдать за порядкомъ въ тѣхъ классахъ, къ которымъ входъ былъ съ задняго крыльца, посылать учениковъ въ опредѣленное время въ классы, прекращать шумъ въ классахъ до прихода учителя, доносить о безпорядкахъ, вызывать учениковъ по требованію начальства, или для свиданія съ родственниками и другими лицами по надобности. Это дежурство въ лѣтнее время составляло, можно сказать, развлеченіе, а зимой было непривлекательнымъ,—не шутка простоять въ холодномъ корридорѣ 6 часовъ.

Черезъ недѣлю, по окончаніи дежурства при семинаріи, тотъ же старшій долженъ былъ нести новое дежурство еще на недѣлю по экономической части въ общежитіи: онъ обязывался освидѣтельствовать годность припасовъ, свѣсить вмѣстѣ съ комиссаромъ говядину, масло, крупу и муку, потребныя на дневное довольствіе, записать все это въ экономическомъ журналѣ, слѣдить за исправностію служителей, принимать отъ поставщиковъ продукты, ихъ смѣрять, свѣсить и записать. При приготовленіи обѣда и ужина старшій слѣдилъ за равнымъ раздѣломъ порцій говядины на каждое блюдо, равно и масла на кашу. Тутъ уже не обходилось безъ нарушенія равномѣрности,—львиная доля доставалась самому старшему съ комиссаромъ. Такимъ образомъ старшій регулярно черезъ 6 недѣль на одну освобождался отъ присутствія въ классѣ, да и въ другую недѣлю, экономическую, могъ удалиться съ уроковъ или по надобности, или по своему усмотрѣнію. Можно

*) Классный корпусъ имѣлъ два крыльца; одно на сѣверную сторону. гдѣ я теперь находится, называвшееся переднимъ; другое съ противоположной, южной стороны, называвшееся заднимъ.

подумать, что старшіе чрезъ дежурство теряли многое въ наукахъ; но этого не было,—они были изъ числа надежныхъ и прилежныхъ учениковъ, и требуемые уроки готовили въ свободное для нихъ время. А между тѣмъ они были блюстителями порядка, приносили пользу другимъ воспитанникамъ и облегчали труды начальства.

Каждый старшій въ общежитіи, какъ и въ квартирахъ, чрезъ мѣсяцъ представлялъ субъ-инспектору вѣдомость о поведеніи порученныхъ его надзору питомцевъ, съ обозначеніемъ особенностей въ ихъ характерѣ и направленіи. Отъ субъ-инспектора тѣ вѣдомости, съ его заключеніемъ, переходили къ инспектору, который дѣлалъ докладъ Правленію семинаріи объ ученикахъ, отличавшихся благонравіемъ. По распоряженію ректора, чрезъ дежурнаго старшаго эти ученики вызывались въ Правленіе семинаріи, и здѣсь, въ присутствіи всѣхъ членовъ Правленія, объявлялась имъ благодарность за ихъ благоповеденіе съ присовокупленіемъ наставленія, чтобъ они и на будущее время оставались такими же хорошими питомцами, чтобъ служили добрымъ примѣромъ для товарищей и вліяли на нихъ своею нравственностію.

Маловажные проступки воспитанниковъ и шалости старшіе предупреждали и покрывали своимъ распорядкомъ; но при болѣе серьезныхъ отступленіяхъ отъ дисциплины и нарушеніяхъ инструкціи, которая давалась въ руководство питомцамъ, они обязаны были доносить начальству. Если старшій почему либо не сдѣлалъ доноса о такомъ проступкѣ, а между тѣмъ объ этомъ проступкѣ узнало начальство, то самъ старшій подвергался взысканію за укрывательство. По доносу старшаго виновному слѣдовало наказаніе. По мѣрѣ вины, наказаніемъ было или стояніе на колѣнахъ въ классѣ, или исполненіе служительской обязанности въ столовой общежитія за обѣдомъ. Кромѣ этихъ наказаній, за болѣе важные проступки назначалось

сидѣніе въ карцерѣ, съ выдачею только хлѣба и воды на опредѣленное время, а иногда (нечего скрывать) употреблялось и сѣченіе розгами, только не гласно, въ помѣщеніи канцеляріи Правленія. Это уже было высшею мѣрою наказанія, за которою, при неисправимости поведенія, слѣдовало исключеніе изъ семинаріи.

в) Не только одни старшіе слѣдили за поведеніемъ воспитанниковъ общежитія и выполненіемъ ими инструкціи, но это выполненіе провѣрялось экономомъ, какъ субъ-инспекторомъ, инспекторомъ и ректоромъ. Главное наблюденіе за порядкомъ въ общежитіи принималъ на себя ректоръ; онъ чаще, нежели инспекторъ, бывалъ здѣсь и во время занятій, и во время стола.

г) Въ столовой общежитія во время обѣда и ужина питомцевъ, производилось чтеніе или житія дневнаго Святаго по Четій-Миннеи, или духовно-нравственной статьи, или какой либо проповѣди. Выборъ чтенія зависѣлъ отъ самого чтеца, иногда опредѣлялся дежурнымъ старшимъ. Чтецами были большею частію ученики философскаго класса, которые чередовались въ этомъ чтеніи, но иногда одинъ замѣнялъ другаго изъ расчета—послѣ чтенія посытнѣе пообѣдать вмѣстѣ со старшимъ и комиссаромъ. Конечно, изъ этого чтенія не могло выходить особенной пользы,—гдѣ же на голодный желудокъ слушать и воспринимать назиданія! Но если же въ столовой присутствовалъ ректоръ или инспекторъ, тогда чтеніе выслушивалось внимательно, потому что иногда случались запросы къ нѣкоторымъ о повтореніи содержанія читаннаго.

д) Во внутренней организаціи общежитія, созданной уже самими питомцами, слѣдуетъ отмѣтить раздѣленіе ихъ на *патриціевъ* и *плебеевъ*. Къ патриціямъ принадлежали питомцы богословскихъ классовъ и лучшіе ученики изъ классовъ философскихъ, а прочіе, въ особенности риторы, причислялись къ плебеемъ. Плебеи чистили сапоги патри-

ціямъ, исполняли порученія въ перепискѣ лекцій и служили для посылокъ. Относительно переписки лекцій нужно сказать, что онѣ составляли для каждаго непосильный трудъ. Учебниковъ печатныхъ въ употребленіи было мало; по учебнымъ предметамъ велись большею частію записки, которыя, по окончаніи года, или полнаго курса, передавались отъ одного лица другому. На богословскомъ курсѣ этихъ записокъ насчитывалось до 200 листовъ. Очевидно, что такая громада письменности затрудняла многихъ, почему патриціи и обращались за содѣйствіемъ къ плебеямъ. Тѣ выполняли всѣ порученія безропотно, потому что сами пользовались услугами патриціевъ въ другомъ родѣ.

Чтобы всесторонне описать бытъ общежитія, необходимо упомянуть о развлеченіяхъ питомцевъ бursы. Развлеченіями ихъ были:

Во первыхъ—пѣніе. Кромѣ специалистовъ пѣнія, владѣвшихъ голосовыми средствами и составлявшихъ церковный хоръ, было много аматоровъ этого искусства, которые любили пѣть и ходя, и лежа на койкѣ, во всякое свободное отъ занятій время. Пѣніе производилось не только въ одиночку, но составлялось и хоровое, въ особенности для пѣсней свѣтскихъ послѣ ужина.

Во вторыхъ—музыка. Изъ музыкальных инструментовъ имѣлось четыре—пять экземпляровъ гуслей, три скрипки, больше гитаръ, одинъ кларнетъ; инструменты были собственностью питомцевъ. Игрой на нихъ занимались не только владѣльцы, но и другіе любители. Музыка доставляла не малое развлеченіе всѣмъ, въ особенности когда производилась совмѣстная игра на нѣсколькихъ инструментахъ.

Въ третьихъ—танцы. Не подумайте, что это были настоящіе танцы,—пѣтъ, это была скорѣе пародія на нихъ. Нѣкоторые изъ Муромцевъ вздумали ввести въ употребленіе кадрили: новинка стала прививаться; танцоры, чтобы не попасться надзору эконома, забирались въ верхній этажъ

и тамъ производили свои эволюціи до того бойко, что ветхій корпусъ бурсы трясся до основанія.

Въ четвертыхъ—игры въ бабки и маршалки. Но это—развлеченіе только лѣтняго времени.

Въ заключеніе остается упомянуть, хоть о случайномъ и временномъ, но довольно выдающемся явленіи. Во время Севастопольской войны патріотизмъ коснулся какъ вообще семинаріи, такъ въ частности и нашего общежитія. Всѣ съ напряженіемъ слѣдили за подвигами нашихъ войскъ, ходили нарочно къ знакомымъ, или родственнымъ лицамъ въ городъ, чтобы раздобыться свѣдѣніями изъ газетъ; письма изъ дух. академій отъ товарищей, которые по временамъ сообщали о положеніи военныхъ дѣлъ, переходили изъ рукъ въ руки; многіе на частной молитвѣ приносили прошенія за успѣхъ дѣла. Но патріотизмъ тѣмъ не ограничивался. Не менѣе 20 воспитанниковъ семинаріи, въ томъ числѣ нѣсколько казеннокоштныхъ, добровольно поступили въ ряды воиновъ, одни до окончанія курса, другіе по окончаніи. Партія этихъ добровольцевъ воодушевлялась однимъ преподавателемъ въ семинаріи (В. А. Ставровскимъ), который померъ отъ холеры и въ ряды воиновъ не попалъ. Нѣкоторые изъ добровольцевъ на войнѣ сложили свои головы; часть возвратилась въ офицерскихъ чинахъ, хотя искалѣченные, но съ пенсіономъ; немногіе доселѣ еще въ живыхъ, которые дослужились до значительныхъ военныхъ чиновъ.

Священникъ *Александръ Ключаревъ.*